

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin

LOVE LIES BLEEDING

Перевод с английского *В. Н. Соколова*

Компьютерный дизайн *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения The Estate of Rights Limited
и литературных агентств Peters, Fraser and Dunlop Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Криспин, Эдмунд.

К82 Любовь покоится в крови : [роман] / Эдмунд
Криспин ; [пер. с англ. В. Н. Соколова]. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. —
(Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-116952-7

В уважаемой частной школе для мальчиков совершено двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса и протезировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убийства тесно связаны, более того, причины случившегося следует искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем доме во время ремонта...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116952-7

© Rights Limited, 1948
© Перевод. В.Н. Соколов, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Посвящается клубу «Карр»

Глава 1

LASCIVA PUELLA¹

Директор школы вздохнул. Вздох получился удрученным и даже жалким, но сдержаться ему не удалось. Он извинился.

— Жара... — Директор вяло махнул рукой в сторону окна, за которым под ярким солнцем раскинулась просторная лужайка. — Все из-за жары.

Это объяснение вполне могло сойти за правду. В самом деле, день выдался знойным, почти тропическим, и в темном кабинете с высокими потолками, где тяжелые шторы были наполовину опущены, чтобы избежать выгорания дерева и тканей, стояла тягостная духота. Но голос директора прозвучал неубедительно, и его посетительница поняла, что это отговорка.

— Простите, что отнимаю у вас время, — затараторила она. — Разумеется, вы должны быть очень заняты подготовкой к актовому дню. К сожалению, у меня нет выбора. Родители настоятельно требуют провести расследование.

Директор мрачно кивнул. Это был невысокий шуплый мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый,

¹ Соблазнительная малышка (*исп.*). — Здесь и далее примеч. пер.

с острым носом, гладко прилизанными черными волосами и обманчивым выражением рассеянности и добродушия на лице.

— Ну да, родители, — пробормотал он. — Разумеется. Вечно их пустые тревоги, на которые приходится тратить столько времени...

— В данном случае, — возразила посетительница, не желая уходить от темы разговора, — кое-что действительно произошло.

Директор уныло взглянул на нее из-за стола. Безудержная энергия мисс Пэрри действовала на него угнетающе. Его немного пугали все эти самоуверенные, прямолинейные и неутомимые женщины средних лет, с одинаковым успехом проявлявшие себя в организации благотворительных ярмарок, посещении бедных и больных, разбивке приусадебных садов или обучении прислуги. По каким-то причинам, в которые он не вдавался, мисс Пэрри сошла с этой орбиты, но вокруг нее продолжала царить атмосфера кипучей деятельности; и директор не сомневался, что ее высокая должность в Кэстривенфордской школе для девочек скорее укрепила, чем развеяла этот дух. Он стал набивать свою трубку.

— Неужели? — уклончиво произнес он.

— Информация, доктор Стэнфорд. Мне нужна информация.

— Вот как? — Директор вытащил из трубки табачный стебелек и снова кивнул, на сей раз твердо и уверенно. — Позвольте, я закурю?

— Я и сама не откажусь.

Мисс Пэрри вежливо, но решительно отклонила предложенные ей сигареты и достала из сумочки портсигар.

— Предпочитаю американские сорта, — объяснила она. — В них меньше химии.

Директор чиркнул спичкой и поднес огонь к сигарете.

— Наверное, будет лучше, — заметил он, — если для начала вы изложите мне все обстоятельства дела.

Мисс Пэрри выпустила длинную струю дыма с таким видом, будто это был сильный яд, от которого она хотела скорее избавиться.

— Полагаю, вы догадываетесь, — сказала она, — речь пойдет о постановке пьесы.

Услышав ее слова, директор решил, что, возможно, все не так плохо, как он думал. На протяжении многих лет Кэстривенфордская школа для девочек и Кэстривенфордская школа для мальчиков совместно разыгрывали пьесу для актового дня. Эта старая традиция создавала для обоих учреждений множество проблем, смягчавшихся отчасти тем, что все они были хорошо известны и легко предсказуемы. Главным образом проблема сводилась к тому, что ученики и ученицы норовили украдкой обниматься за кулисами, и для подобных случаев у руководства были предусмотрены соответствующие меры, отработанные почти до автоматизма.

Директор немного повеселел:

— Значит, эта девочка играет в пьесе? В последнее время я почти не следил за постановкой. Кажется, будут давать «Генриха V»?

— Да. Не самый лучший выбор, как считают мои девочки. Мало женских ролей.

— Уверен, мальчики расстроены не меньше.

Мисс Пэрри рассмеялась, но тут же замолчала, словно давая понять, что никакие шутки — как бы они ни были полезны для беседы, — не должны отвлекать их от серьезной темы.

— В общем, сплошное разочарование, — отозвалась она. — Девочка, о которой я говорю, играет роль Екатерины. Ее зовут Брэнда Бойс.

Директор сдвинул брови и поднес вторую спичку к своей трубке.

— Бойсы? Кажется, они из местных? Пару лет назад к нам поступил мальчик с такой фамилией. Насколько я помню он из светской семьи.

— Скорее всего, это ее брат. Слово «светский» характеризует их семью. Богатые родители, вечеринки с коктейлями...

— Да, я их помню. — Директор аккуратно положил использованную спичку в серебряную пепельницу в форме слона. — Приятные люди... Впрочем, это не имеет отношения к делу.

— Почему же, родители как раз имеют. — Мисс Пэрри откинулась в кресле и решительно скрестила крепкие ноги. — Дело в том, что их искушенность в современной жизни позволяет, так сказать, исключить некоторые варианты. Брэнда, как легко догадаться, довольно бойкая девица, — кстати, ей уже шестнадцать, и это ее выпускной класс, — причем миленькая. Вряд ли ее могут смутить какие-либо проявления... юношеского эротизма. — И мисс Пэрри

взглянула на собеседника с подчеркнутой серьезностью.

— Продолжайте, — попросил директор.

Он знал, что мисс Пэрри не нуждается в подбадривании, но вежливость требовала заполнить образовавшуюся паузу.

— Как вы уже знаете, — произнесла мисс Пэрри, — вчера вечером состоялась репетиция «Генриха V». Когда в половине десятого Брэнда вернулась домой, ее поведение, по словам родителей, было необычным.

— То есть?

— Взвинченным. Нервным. Испуганным.

Было слышно, как секретарша в соседней комнате печатает на машинке, а на окне сонно жужжат мухи.

— Разумеется, — продолжила мисс Пэрри, — родители спросили у нее, что произошло. Но Брэнда ничего не ответила — как и мне, когда я беседовала с ней сегодня утром.

— Родители вам позвонили?

— Да. Они обеспокоены — а это плохой признак, доктор Стэнфорд. Какую бы жизнь ни вели эти люди, они не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков.

— Что сказала вам девушка?

— Уверяла, будто родители все придумали и говорить не о чем. Но я заметила, что ей по-прежнему не по себе, и убедилась, что она лжет. Иначе я не стала бы вас беспокоить.

Директор задумался, машинально обводя взглядом знакомую обстановку комнаты: густо-синий обюс-

сонский ковер, репродукции Констебля и Коро на стенах, мягкие кожаные кресла и просторный стол, за которым он сидел. Помолчав немного, он промолвил:

— Вы правы, семья в данном случае важна. Значит, вы считаете, что если кто-то стал приставать к этой юной леди...

Он запнулся, и мисс Пэрри закончила за него:

— Это бы ее нисколько не смутило. Боюсь, наоборот, скорее понравилось бы.

— Вот как? — Директор пытался осмыслить этот пример женской эмансипации. — То есть вы полагаете, что произошло нечто более серьезное?

Мисс Пэрри кивнула:

— Похоже, что так.

Директор посмотрел на нее с сомнением. Они уже и раньше обсуждали темы секса, но всегда неопределенно и в общих чертах, а теперь требовалась грубая прямолинейность.

— Совращение? — предположил он.

— Да, я уже об этом думала, — кивнула она, но тут же сделала нетерпеливый жест. — Хотя мне кажется, дело не в этом. Вы позволите говорить откровенно?

— Естественно.

Мисс Пэрри улыбнулась нервной и натянутой улыбкой, не вязавшейся с ее обычной прямоотой, и для директора это стало своего рода откровением. Он вдруг осознал, что прежде она избегала скользкой темы не из ханжества или напускной жеманности, а из-за строгих представлений о приличиях, которые теперь ей приходилось нарушать. Это вызвало в нем уважение и симпатию, и он улыбнулся.

— Есть две возможности, — продолжила мисс Пэрри. — Изнасилование, которому она не могла помешать; или совращение, о котором она позднее пожалела. Понимаю, что говорить в таком тоне о шестнадцатилетней девушке не совсем корректно, но... боюсь, у нас нет выхода. Если допустить изнасилование, мне трудно представить, чтобы кто-нибудь из ваших мальчиков...

— Вы правы, — кивнул директор. — Я не знаю ни одного, кто осмелился бы на подобный поступок.

— Что касается совращения, то, во-первых, Брэнда — неглупая и вполне самостоятельная девочка, которая может позаботиться о себе. А во-вторых...

— Да?

— Сегодня утром я прямо спросила, не случилось ли с ней что-нибудь такого. Ее единственной реакцией было удивление — по-моему, искреннее.

— Рад слышать. — Директор вынул из нагрудного кармана носовой платок и вытер взмокший лоб. — В таком случае я не понимаю, что могло так расстроить девушку и почему она не хочет об этом говорить?

Мисс Пэрри пожала плечами.

— Я тоже. Ясно, что секс тут ни при чем, а строить какие-то другие версии можно лишь на конкретных фактах.

— Так чем я могу вам помочь?

— Единственное, чего я хочу, — удостовериться, что во время репетиции или непосредственно перед ней не случилось ничего необычного.

— Что ж, это не так уж трудно. Я поговорю с Матисоном, постановщиком пьесы... и если хотите, мы

сделаем это прямо сейчас. Он должен находиться в преподавательской, я могу его вызвать.

— Срочность ни к чему. — Мисс Пэрри встала и погасила сигарету. — Вероятно, вся эта история — легкое недоразумение. Если вы позвоните мне позднее...

— Разумеется. — Директор тоже поднялся и указал на статуэтку Афродиты, стоявшую на столике из розового дерева. — Я очень рад, — добавил он, — что эта дама тут ни при чем. Обычно, когда у нас возникают проблемы с постановкой пьесы, можно с уверенностью сказать, что они связаны именно с ней.

Мисс Пэрри улыбнулась:

— Платоновские половинки...

— Платоновские половинки следует держать по-дальше друг от друга, пока они не закончат школу. В конце концов, принудительное воздержание только обостряет чувства. — Он спохватился, вспомнив про долг гостеприимства: — Хотите остаться на обед?

— Нет, спасибо. Я должна вернуться до окончания утренних занятий.

— Жаль. Но вы придете... завтра на церемонию?

— Конечно. Кто будет вручать награды?

— Мы ждали лорда Уошбертона, — ответил директор, — но в последний момент он заболел, и мне пришлось заменить его одним своим знакомым, профессором английского из Оксфорда. Интересный человек — честно говоря, я боюсь, что даже слишком интересный. Сомневаюсь, что он впишется в рамки

того светского лицемерия, которое требуется в подобных случаях.

— Я останусь послушать речи. Вы знаете, что обычно я избегаю их.

— Хотел бы я сказать то же самое о себе, — вздохнул директор. — Не только в этом случае, но и вообще... Хотя все эти мелкие неприятности оправдывают мои три тысячи фунтов в год.

Он проводил мисс Пэрри и вернулся к своей корреспонденции, разложенной на столе. Миссис Бродриб подробно рассказывала о результатах экзаменов в Школе Генри — предмет, о котором сам директор имел довольно смутные представления. Сообщалось, что в ближайшие две недели состоится съезд школьных директоров. Кто-то предлагал учредить премию за лучшее эссе года на тему «Будущее Британской империи»... Директор застонал. Премий у них и так хватало. Учащиеся тратили уйму времени на то, чтобы выиграть конкурсы, а преподаватели — чтобы их организовать. Увы, за этим предложением стоял солидный спонсор, и с его мнением необходимо было считаться. Оставалось надеяться, что, проявив должный такт, ему удастся уговорить щедрого благотворителя самому читать все эти эссе и самому же награждать.

Директор бегло просмотрел оставшиеся письма и отложил их в сторону. История про *lasciva puella* вызвала в нем любопытство, и он решил, что поскольку ему все равно придется заниматься этим делом, не зачем откладывать его в долгий ящик. Директор подошел к металлическому шкафчику с картотекой